

ЛЮДМИЛА ПОПОВА

Адам и Ева

Людмила Попова

Адам и Ева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24152836

ISBN 9785448320217

Аннотация

В повести «Адам и Ева» говорится о том, как прекрасен мир, в котором нам посчастливилось жить, и как он хрупок. Из-за нашего эгоизма, легкомыслия и тщеславия мы можем потерять его в одно мгновение и навсегда...

Содержание

Вместо предисловия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Адам и Ева

Людмила Попова

© Людмила Попова, 2016

© Сергей Карпов, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2021-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

В 1891 году в провинциальном североамериканском городке местная газета «Моррисонвиль таймс» разместила сенсационную заметку: «Утром во вторник миссис Калп сделала удивительную находку. Когда она разбила кусок угля для растопки, то обнаружила в нем золотую цепочку длиной 25 см древней и причудливой работы...» Всё дело в том, что уголь, в котором нашлась цепочка, образовался на планете около 300 миллионов лет назад. А это, если верить всем научным теориям, время, когда людей и в помине ещё не было...

В 1844 году в каменоломне Нингуди (Шотландия) нашли металлический гвоздь, застрявший в куске песчаника. Возраст песчаника составлял около 400 миллионов лет. Кончик гвоздя торчал из камня и был изъеден ржавчиной, а шляпка находилась в камне на глубине 2,5 сантиметра. Длина гвоздя составляла 23 сантиметра.

Они брели по мёртвой земле. Мёртвой, потому что на ней ничего не росло. Коричневая пыль покрывала её толстым слоем. И всё вокруг было в этой коричневой пыли: небо, воздух... Ни домов, ни деревьев, ни одной живой души... Только коричневая надоедливая пыль, скользящая по ногам...

Они шли и шли, не зная, зачем и куда идут. И везде бы-

ла только коричневая мелкая и мягкая, как порошок, мёртвая земля. Женщина с длинными волосами и мужчина с короткой стрижкой. Оба в одежде бурого цвета. У неё обувь осталась только на левой ноге (она и не замечала потери, до того мягко ступать), у него обе ноги обуты.

Итак, они брели, сами не зная куда, не общаясь, не переговариваясь, как чужие. Однако старались не потерять друг друга. Если кто-то вдруг отставал, то торопился догнать спутника.

Иногда они падали от усталости и тут же засыпали. А когда просыпались, продолжали путь.

Сколько они прошли километров, в какую сторону двигались: на север, юг, восток или запад, продвигались ли вперёд, топтались ли по кругу или эллипсу? Как знать, когда вокруг ни одной приметы, только бурая пыль...

Но что-то заставляло их двигаться, что-то толкало на передвижение, словно они были запрограммированы. Запрограммированы на что? На вечное движение? На выживание?

Откуда они шли и куда? Сколько прошло дней, а может недель или месяцев? Откуда они могли знать, когда вокруг – ничего и никого кроме изобилия мелкой, как мука, пыли.

Какие у них имена и были ли они вообще? Это тоже неизвестно, поскольку они всё время молчали, а значит и не окликали друг друга.

Однажды она упала на четвереньки и поникла головой. Волосы, покрытые пылью, повисли надо лбом как грязная

пакля. Он старался приподнять её, продев руки под мышки. Она не поддавалась. Он сел рядом, и она опустилась на пятую точку, откинула назад волосы и поглядела на него. Но ничего не выражало её лицо, словно не было у неё никаких мыслей. Его лицо было таким же: запорошенное пылью, лишённое всякой мимики, словно маска. Сколько они сидели, трудно определить. Наконец он встал и, сделав несколько шагов, оглянулся на неё. Она смотрела в его сторону, но не шевелилась. Он сделал ещё несколько шагов и снова оглянулся. Она продолжала неподвижно смотреть ему вслед. Он пошёл, больше не оглядываясь, и вскоре исчез за пыльной пеленой. Она долго ещё смотрела туда, где он исчез, наверное, ожидая его возвращения, но он не появлялся. Она сделала над собой усилие, поднялась на ноги и пошла, чтобы нагнать его. Но совсем сбилась с пути. Теперь она недоуменно озиралась по сторонам, стараясь понять, в какую сторону он ушёл. Наклонила голову, словно хотела найти его следы, — кажется, нашла, вот они! Но взглянула налево и направо: там были похожие рисунки. Вся пыльная поверхность была испещрена какими-то непонятными следами. Она растерялась и топталась на месте, делая беспорядочные шаги то в одну, то в другую сторону. Потом закружилась на месте, словно в каком-то безумном танце. Кружилась, пока не упала, совсем обессилив. В глазах защипало как от слёз, и она принялась отирать щёки, но, кроме пыли, на них ничего не было. Слёзы остались внутри, боясь пролиться наружу, в это ужас-

ное пыльное царство. Она закрыла лицо руками и сидела, тихонько покачиваясь взад-вперёд, как будто напевала себе колыбельную... или зауспокойную. Однако ничего не было слышно: то ли голос пропал, то ли слух... Глухая тишина и мёртвая пыль окружали её со всех сторон, как беззащитную жертву, обречённую на погибель.

Сколько прошло времени, она не знала. Она уже свыкалась, почти свыклась с одиночеством и ожиданием смерти, когда почуяла чье-то присутствие рядом. Подняла голову – он стоял подле, он вернулся. Она обняла его ноги и вся затряслась не то от радостного смеха, не то от плача. Но мёртвая земля жадно проглатывала все звуки вокруг, оставляя только глухую тишину.

Снова они упрямо месили пыль под ногами и куда-то торопились сквозь бурый полумрак. И вдруг подошли к воде. Они остановились у кромки моря или озера. Вода в нём была чёрной и неподвижной. Они зашли по колено и долго пили, набирая пригоршнями. Что-то плотное и скользкое коснулось их рук. Это были какие-то тела. Она оторвала кусок и с жадностью съела, не разбирая, что это может быть. Потом второй, третий... Он тоже что-то ел. Насытившись и ополоснув лицо и рот, они пошли вдоль берега. Теперь у них был, по крайней мере, ориентир. Скорее всего, это было море, потому что не было ему конца. Заснувшее или умершее море с чёрной застывшей водой. Они больше не страдали

от голода и жажды и стали выносливей, беззвучно общались, поддерживая друг друга, чувствуя какое-то связывающее их единство, хотя не было между ними ни нежности, ни влечения.

После еды у неё сработал кишечник. Она опорожнилась, подтёрлась пальцем и понюхала. Ожидала почуять резкий неприятный запах, но ничего не ощутила. Или все запахи исчезли, или пропало обоняние.

Проснувшись однажды, они больше не нашли воду. Они уснули у самой кромки, напившись перед сном. И вот её нет. Они долго искали, бегая из стороны в сторону. Вода пропала бесследно, осталась только бурая пыль. Пришлось смириться и брести дальше.

Без воды и пищи они теряли силы и передвигались всё медленней и медленней...

А однажды вообще наткнулись на стену. Она пряталась за пыльной дымкой и вдруг выступила на их пути высокой и неприступной преградой. Пришлось идти вдоль стены, иногда прикасаясь к ней рукой, чтобы убедиться в её присутствии. Голод и жажда беспощадно одолевали их. В бессилии припав к стене, они вдруг заметили на ней скопище каких-то насекомых, которые суетились, наползая друг на друга. Насекомые эти покрывали стену толстым слоем... Он первым сгрёб их в пригоршню и запустил в рот. Она сделала также, с удовольствием ощущая, как они лопаются под зубами. Это

были крупные тараканы – жирная и сытная пища. Несколько раз они засыпали подле стены, а просыпаясь, закусывали тараканами и шли дальше. Пищи теперь было предостаточно, но мучила жажда. Насекомые содержали мало жидкости.

Казалось, этой скале, появившейся на их пути, не будет конца. Так долго брели вдоль. Или вокруг.

Но однажды, проснувшись в очередной раз, заметили, что скала исчезла. Вместе со съестными запасами – несметными стадами тараканов. А вместо скалы появилась вода. Причём она прибывала и надвигалась. Словно скала провалилась, образовав озеро. Как и в первую встречу, вода была чёрной и тяжёлой. Мёртвой. Никаких волн, даже мелкой ряби на поверхности. Словно это и не вода вовсе, а намокшая плотная ткань. Их затопило по щиколотку, по колено, по пояс, по грудь... И вот уже они поплыли, смывая с себя пыль и с наслаждением глотая воду.

Они держались на поверхности, почти не делая никаких усилий. То ли они стали сверхлёгкими, то ли вода была слишком плотной. Если находились какие-то тела, они без разбору наполняли ими желудок. Приятно было лежать на воде после пыльной утомительной прогулки. Вода куда-то передвигалась и они вместе с ней, лёжа на её поверхности, как на палубе незнакомого корабля, несущего их в неизвестность. Главное, что они не стояли на месте, а двигались. Они так и уснули на воде, перевернувшись на спину и раскинув руки, не думая ни о какой опасности: какая под ними глуби-

на, или куда их унесёт эта тёмная лавина...

Когда очнулись, воды не было и в помине, словно им всё приснилось. Но их одежда была насквозь мокрой, а тело насыщено влагой. Он стал стаскивать с ног размокшие ботинки, видимо, они ему мешали. Она хотела последовать его примеру, взглянула на свои ноги: обе оказались босыми...

За всё время они не ощутили ни жары, ни холода, как будто температура окружающего мира была соизмерима с температурой их тел...

Он, наконец, сумел высвободить ноги из потерявших форму ботинок и теперь сидел, наклонив голову, с интересом рассматривал свои ноги, будто впервые видел, отдыхая после утомительных усилий. Он равнодушно наблюдал, как она взяла его ботинок, примерила, потом отставила в сторону.

И снова в путь. Почему они не оставались сидеть или лежать, что их подгоняло вперёд и вперёд? Может, они искали выход из мёртвого пространства? Однако головы их не утомляли никакие мысли, ими руководили инстинкты, как автопилот. Кто их снабдил этим автопилотом?

Голод и жажда вконец измучили их. Они еле брели, часто падая, а порой ползли на четвереньках вперёд, только вперёд. Лишь изредка неожиданные встречи разнообразили их путь.

Вот и теперь дорогу им преградила движущаяся полоса. Они подобрались совсем близко и различили крыс, сосредоточенно и энергично бегущих в одном направлении подобно огромной армии, спешащей на захват чужих земель или, наоборот, спасающейся от преследования. Большие и малые, толстые и тощие катились нескончаемым потоком, волоча длинные хвосты. Может, они спасались с тонущего корабля? Но каким должен быть корабль, чтобы приютить такую массу крыс?! Может быть, ему и ей следовало идти вслед за крысами, поддавшись их интуиции, их феноменальному чутью на опасность и спасение?!

Вместо этого он вдруг схватил ближайшую крысу, и прежде чем она успела укусить его за руку, вонзил зубы в её загривок и с жадностью высосал глоток крови. Сделав ещё два глотка, он передал добычу ей. Напившись, они разорвали на куски и съели всю тушку до конца вместе с косточками и кожей. Только тогда они вспомнили про бегущих крыс и обернулись, желая, видимо, поймать ещё одну. Но крысы пропали. Вероятно, поток их закончился, не мог же он быть бесконечным! А возможно, изменили направление, услышав отчаянный писк пойманной соплеменницы. Но даже такой небольшой пикник вернул им немного сил.

И снова долгий путь в никуда. Иногда натыкались на воду, которая внезапно появлялась из земли, как кровь из раны, и также внезапно исчезала. Их передвижения становились всё короче, а отдых всё длиннее. Он давал ей отдохнуть

подольше, а сам ползал на четвереньках неподалёку, чтобы не потеряться, отыскивая на ощупь что-нибудь пригодное для еды или питья. Так обнаружил какую-то кучу, кишашую червями. Они подползли вдвоём и жадно наполнили желудки червивой массой. Он вырыл руками ямку под кучей, которая тотчас наполнилась слизистой жидкостью. Набрал в пригоршни и проглотил залпом. Прокашлялся и выпил ещё. Она сделала так же.

Потом она разразилась рвотой. Всё, что она наблевала, бесследно провалилось в пыль. Теперь она совсем не могла двигаться. Он попытался её нести, но и у него оставалось мало сил. Несколько раз он удалялся в поисках воды для неё. Недалеко, чтобы не потеряться. Выбившись из сил, сел рядом и положил её голову к себе на колени. Она была ещё жива, но так слаба, что совсем не шевелилась и даже не открывала глаз. Незаметно подкравшийся сон сморил его.

Они не могли больше идти. Он лёг на спину, положив её голову к себе на грудь...

Тяжёлый сон все сильнее сковывал их, словно живая плоть превращалась в камень... И во сне им виделась вода... Много воды...

Какая-то неожиданность вырвала его из глубокого сна, грозящего превратиться в вечный. Ослепительно яркий луч, прорвавшийся сверху, бродил вокруг, обшаривая землю. Он отодвинул её голову, попытался сесть, но только приподнял-

ся на локтях и снова упал, безучастно следя за лучом. Лучше бы пришла вода...

Луч приблизился к нему, осветил и замер. Он зажмурился от непривычно яркого света. Осторожно открыл глаза: луч превратился в стеклянный коридор. Невидимый эскалатор подхватил их и стремительно понёс вверх. Всё вокруг бешено закружилось, сознание ускользало, но он всё-таки успел из последних сил прижать её к себе, чтобы не потерять...

Он очнулся всё так же в светлом пятне. Она неподвижно лежала рядом, а её голова покоилась у него на груди.

Воды... Надо найти воды, иначе она погибнет... Тщетно он пытался встать, мешала её тяжёлая голова...

И вдруг вода брызнула со всех сторон подобно джакузи, обмывая их как грязную посуду. Он стал собирать воду в пригоршни, чтобы напоить её. Тотчас перед ним полилась толстая струя, словно из невидимого крана. Вода была чистая, прозрачная, наверное, от яркого света. Он сделал несколько глотков и подставил её рот. Она глотала, но не открывала глаз, очевидно, от слабости. Он наполнил её желудок, потом положил животом к себе на колено, и вода вылилась наружу. И снова подставил её рот под живительную струю...

Она открыла глаза, зажмурила их. Опять осторожно открыла, оглядываясь вокруг. Бурая пыль сменилась ярким белым светом. И много воды. Это хорошо. Она пошевелила пальцами в поисках еды. В воде обычно находилось что-то

съестное. И нашла какой-то кусок. Дрожащей рукой положила в рот. Он тоже что-то жевал.

И вдруг появилась рыба. Фарфоровое блюдо зависло в воздухе, а на нём лежала жареная рыба. Она вспомнила, как это вкусно.

Их несколько не удивило появление блюда с жареной рыбой. В последнее время с ними происходило столько необычного!

Улыбаясь, он оторвал кусок рыбы и протянул ей. Они стали есть, набивая рот и глотая почти не жуя. А ведь в рыбе должны быть кости... Только он об этом вспомнил, как рыба наполнилась костями, и им пришлось выплюнуть то, что было во рту. Он решил, что лучше бы без костей, и кости пропали...

Они продолжили трапезу...

Теперь было светло, и они смогли рассмотреть друг друга. У неё были спутавшиеся тёмные волосы и карие глаза. Длинные ногти на руках и ногах. У него отросли не меньше. Он был русский и синеглазый. Одежда на нём... Впрочем, разве можно было это называть одеждой?! Она перевела взгляд на себя. Когда-то вместо этих грязных и мятых лохмотьев на ней были синие джинсы со стразами на карманах и шелковая блуза цвета оранж... Надо же! Точно такая одежда заменила на ней лохмотья! А ноги... сейчас она бы хотела удобные мокасины под блузку... И тотчас мокасины цвета

оранж обули её ноги... Ах, ногти... Как они упираются! Ведь разорвут обувку... Ножницы бы, чтоб обрезать... И ножницами, появившимися в её руках, она старательно обрезала ногти на ногах, потом на руках... И подала ножницы ему. Он принялся за туалет, а она критически оглядывала его наряд, представляя, какая одежда ему пошла бы больше: джинсы, футболка с неброским принтом, замшевые мокасины... И вот он уже одет по её вкусу. А она, переведя взгляд на свои руки, пожелала маникюрный набор и оранжевый перламутровый лак... И трусики с лифчиком, и гигиенические салфетки, и духи «Диориссимо», и губную помаду... В общем, всё, чем обладала раньше. И всё возвращалось к ней точно в таком виде, который она помнила. Вскоре перед ней оказалась куча всякого барахла, с которым она удивительно ловко справлялась... Он тем временем встал и решил пройтись, оглядеть окрестности...

Но, сделав пару шагов, наткнулся на стену. Пощупав руками, обнаружил, что они находятся как бы на дне стеклянной банки, стенки которой прозрачны. Но за ними ничего не видно, только свет... До потолка же он не смог дотянуться. Значит, он или очень высок, или вообще отсутствует...

Как бы хотелось прогуляться по зелёной траве, растянуться на ней и полюбоваться синим небом с плывущими облаками!

Под его ногами расстелился зелёный ковер, вверху раскинулось синее небо с белоснежными облаками... Он пошёл,

не встречая никаких преград, испытывая глубочайшее наслаждение...

Деревья возникали по сторонам, птицы суетились, перелетая с места на место. Бабочки, муравьи, всякие букашки-таракашки, такие милые и родные... Он так обрадовался, что совсем забылся, забыл про неё. Теперь вспомнил и испуганно оглянулся. Она сидела на траве перед кучей своих безделушек и смотрела ему вслед. Увидев, что он её ждёт, встала и пошла за ним...

Они долго гуляли. Она собирала цветы. Сплела венок для себя и для него. Всё было прекрасно, но чего-то не хватало... Эти птицы... Они умеют летать, да... Но, кажется, они делали что-то ещё... Ах, да, они весело чирикали. Очень весело, переливчато и громко. А эти – молчуны. Почему эти молчат? Может, они поют, но он не слышит, что-то случилось с его ушами? Он старался пальцами прочистить уши, но ничего не получалось. И все эти ползающие и летающие букашки, они тоже умеют жужжать, говорить на своём языке. Почему они молчат? Говорить... Что значит говорить? Он смотрел ей в лицо, стараясь найти ответ. Может, она знала что-нибудь? Но она только собирала цветы, плела венки, валялась в траве, ловила бабочек и радовалась, радовалась...

Нагулявшись вволю, они удивились, что так долго не наступает вечер, и тут же за вечерело...

Они зашли в кафе, сели за столик. Официант принёс крас-

ного вина и пищу...

И опять чего-то недоставало... Вино и закуска есть... чего же не хватает?

У вина и пиццы должен быть разный вкус, а у этих одинаковый... Но что-то ещё не так... Что-то ещё... Опять уши... Они словно заложены ватой. Он снова начал их тереть и чистить. Она с удивлением за ним наблюдала. Может, только он глухой, а она всё слышит? Вот она шевелит губами, говорит... Он понимает, что ей хорошо, но не слышит звуков.

Когда наступила ночь, приняли душ, почистили зубы и легли спать: она – на широкую постель с ароматными нежными простынями и подушками, он – на узкую кровать, застеленную не совсем свежим бельём. Она, одетая в любимую шёлковую пижаму с кружевами и ленточками, он – в одних трусах. Проснулись в темноте. Она нащупала кнопку и включила свет. Часы на стене показывали 9 утра. Позавтракали: она – овсянкой с цукатами, он – омлетом с беконом. Вместе выпили кофе с молоком.

Им захотелось понять, откуда они и что с ними произошло? Они старались вспомнить, что с ними было раньше, и не могли ничего откопать в памяти кроме путешествия по мрачной пыльной зоне. Эти жуткие воспоминания преследовали их во сне. Просыпаясь, они со страхом открывали глаза, опасаясь снова очутиться в мёртвой пыльной пустыне...

Они не спеша обживались на новом месте, похожем на ку-

порт. Стоило чего-то пожелать, как оно сразу появлялось.

Гуляли в своё удовольствие. Заходили в любимые кафешки и рестораны.

Научились слышать. И теперь наслаждались пением птиц, жужжанием пчёл и шмелей, музыкой в кафе. Слышали свои шаги, вздохи, смех и крики. Начали общаться меж собой словами, сначала с трудом, по-разному называя одни и те же вещи. Придумали друг другу имена, короткие и удобные. Она его окликала звуком А, он её – О.

Вслед за слухом вернулось обоняние. Какое всё-таки удовольствие чувствовать запахи: цветов и трав, напитков и плодов!

Но долго не различали вкуса. Листок с дерева, жареная котлета или апельсин были для них одинаково нейтральны на вкус. Они не различали ни горечь, ни кислоту, ни сладость, ни соль... Однако со временем вернулось и ощущение вкуса. И если раньше ели, чтобы только наполнить желудок, то теперь могли выбирать любимые по вкусу продукты, наслаждались, задерживая во рту глоток вина или кусочек жаркого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.